

РАФАЭЛЬ ГРУТМАН

Жаботинский и Бен-Гурион:

ПРАВЫЙ И ЛЕВЫЙ
ПОЛЮСЫ ИЗРАИЛЯ

Рафаэль Гругман

**Жаботинский и Бен-Гурион:
правый и левый полюсы Израиля**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

2014

Гругман Р. А.

Жаботинский и Бен-Гурион: правый и левый полюсы Израиля /
Р. А. Гругман — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,
2014

«Жаботинский и Бен-Гурион: правый и левый полюсы Израиля» — историческое исследование и остросюжетное повествование: политическая биография двух уроженцев Российской империи, повлиявших на становление современного Израиля, лидера правого лагеря — выдающегося общественного деятеля, писателя, поэта и переводчика Владимира Жаботинского и левого — первого премьер-министра и министра обороны, Бен-Гуриона. В книге рассказывается об их политическом противостоянии, а так же об интересах царской, а затем и Советской России в Палестине, о причинах, побудивших Сталина поддержать сионистов, — читателя ждет множество сенсаций, ранее не публиковавшихся. Причастна ли советская разведка к убийству в Иерусалиме графа Бернадота, члена королевского дома Швеции и спецпосланника ООН на Ближнем Востоке? Планировал ли Сталин после войны переселить в еврейское государство 2,5 миллиона советских евреев? Могло ли еврейское государство быть создано в Европе на землях Восточной Пруссии и должен ли Сталин благодарить Бен-Гуриона за отказ от Кенигсберга? Ответы на эти вопросы прозвучат в книге «Жаботинский и Бен-Гурион: правый и левый полюсы Израиля».

© Гругман Р. А., 2014

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого, 2014

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Параллельные биографии	8
Жаботинский. Детство. Одесса. Парк	8
Давид Грин – ещё не Бен-Гурион. Детство и юношество	12
Жаботинский. Первое пророчество	17
Рим	19
Первый арест	21
Кишинёвский погром и самооборона	22
Шестой сионистский конгресс	23
Журнал «Еврейская жизнь»	27
Давид Грин: начало политической деятельности	28
Жаботинский. Гельсингфорсская программа	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Рафаэль Гругман

Жаботинский и Бен-Гурион:

правый и левый полюсы Израиля

For Anthony, Lora and Maya Tseytlin

Я люблю все народы на свете и праздники всех народов; когда они ликуют о своих годовщинах и мне случится быть неподалёку, я просто рад тому, что людям весело, и праздную в душе их вёсельный час – если только нет у меня в тот самый день собственных траурных поминок.
Зеев Жаботинский

Родину не дают и не получают в подарок, не приобретают в результате политических соглашений, не покупают за золото и не завоевывают кулаками. Её строят в поте лица.
Давид Бен-Гурион

Предисловие

Я родился 16 октября, в год создания государства Израиль, за два дня до дня рождения Жаботинского, на Маразлиевской, когда-то называвшейся улицей одесских банкиров, и примечательной в литературной Одессе тем, что на чётной стороне улицы, на двух противоположных концах, жили два Александра. Куприн роскошествовал в помпезном угловом доме напротив Александровского парка, а Пушкин первую одесскую ночь провёл на почтовой станции в постоялом дворе, окнами выходящими на Базарную, и этим благословил скромную улицу на рождение писателей и поэтов.

Банкиры и писатели жили на чётной стороне Маразлиевской, а нечётная и поныне большей частью занята парком и, не считая энкавэдэшного городка, появившегося в советское время, составляет четыре пятиэтажных дома с четырёхметровыми потолками – квартал от Успенской до Базарной. Напротив моего дома, под номером пять, фасад которого охраняли головы двух бронзовых львов, наискосок, был пушкинский.

Маразлиевская упирается в Базарную, на которой слева, в конце квартала, в доме под номером четыре родился Евгений Петров, родной брат Валентина Катаева (в катаевском доме располагался детский сад, который посещал автор), – а справа, через квартал (на Базарной, 40) родился Эдуард Багрицкий. В школьные годы я почти ежедневно проходил мимо дома Багрицкого, гордо поглядывая на скромную мемориальную доску, в неведении, что напротив, в 33-м номере, на углу Базарной и Ремесленной, 18 октября 1880 года родился всемирно известный писатель, публицист и общественный деятель, имя которого в советское время было запрещено: Зеев (Владимир) Жаботинский (при рождении – Вольф Евнович).

Одесса, близость дат рождения, соседство родительских домов – но на этом совпадения не заканчиваются. День рождения автора совпал с днём рождения первого и второго премьер-министров Израиля, поставивших свою подпись под Декларацией Независимости: Бен-Гуриона, соратника Жаботинского по еврейскому легиону и его политического противника во всех начинаниях, включая создание легиона, и Моше Шарета, преемника Бен-Гуриона на посту премьера.

...Если верить астрологии, Жаботинский и Бен-Гурион запрограммированы быть дипломатами, осторожными в принятии решений – и изворотливыми, гибкими и склонными к компромиссам. Впрочем, они опровергли все гороскопы: оба были решительными и непреклонными воинами, возглавившими левое и правое крыло сионизма. Их сравнивали с двумя конями, запряжёнными в одну повозку и боровшимися за роль коренника. Оба как будто выросли в одной и той же еврейской семье, описанной в романе Жаботинского «Пятеро», в которой дети выбрали непересекающиеся дороги. Бен-Гурион, окажись он в России, мог бы надеть комиссарскую кожанку и, как Троцкий, беспощадно расстреливать идеологически колеблющихся соплеменников, а Жаботинский, не будь он сионистом, оказался бы в компании с Мартовым-Аксельродом, лидером меньшевиков. А возможно, он отстранился бы от политики и пошёл по литературной тропе...

...Грозы двадцатого века уже отгремели. Эта книга о прошлом и настоящем. История Израиля в противостоянии двух уроженцев Российской империи, Жаботинского и Бен-Гуриона. Хотя они были почти что ровесниками (между датами их рождения два октябрьских дня и шесть лет), лишь однажды они шли бок о бок друг с другом: в 1918 году, когда Бен-Гурион был солдатом Еврейского легиона, созданного Жаботинским.

Они шли параллельными курсами, иногда – в противоположные стороны, по-разному оценивая ситуацию (Жаботинский в 1914 году агитировал за создание еврейского легиона в английской армии – Бен-Гурион в первые годы войны ратовал за такой же легион, но в турецкой). Таким будет и наше повествование – параллельным. Главы о Жаботинском чередуются

с главами, посвящёнными Бен-Гуриону, и соединяются там, где оба были задействованы в одних и тех же событиях. После августа 1940-го, ставшего последним месяцем жизни Зеева Жаботинского, повествование будет вестись только о Бен-Гурионе, который с 1948 по 1963 гг. с небольшим перерывом был премьер-министром и министром обороны Израиля.

Часть I. Параллельные биографии

Жаботинский. Детство. Одесса. Парк

Свои детские годы Жаботинский подробно описал в «Повести моих дней».

Об отце, Евгении (Ионе) Григорьевиче Жаботинском, у него остались смутные воспоминания. Тот был высокопоставленным служащим Российского общества пароходства и торговли (РОПИТ) и занимался закупкой зерна. Когда сыну было четыре года, он заболел раком.

С этого момента жизнь семьи изменилась. Два года Ева Марковна Жаботинская, в девичестве Зак, самоотверженно боролась за жизнь мужа. Она заложила имущество, возила его в Германию к лучшим докторам; когда те поставили страшный диагноз – не сдалась: ездила в Киев, в Харьков. Купцам 1-й гильдии разрешалось проживать вне черты оседлости. Запрет на проживание автоматически вступал в силу с прекращением оплаты взносов в купеческую гильдию. Когда Евгений Григорьевич заболел, его жена вымолила у харьковского губернатора соизволение на временное проживание. Все семейные сбережения ушли на лечение. Но победить болезнь не удалось.

Ева Марковна осталась с шестилетним сыном и десятилетней дочерью (ещё один сын, первенец Мирон, умер в младенчестве). Семья, некогда жившая в роскоши, лишилась средств к существованию. Богатые родственники отвернулись от них. Ева Марковна вынуждена была переехать с детьми в скромную двухкомнатную квартиру на углу улиц Еврейская и Канатная и открыть крохотную лавочку письменных принадлежностей: это приносило мизерные доходы, позволившие дотянуть до шестнадцатилетия дочери. Тереза, начав подрабатывать частными уроками, спасла семью от лишений.

Мать и сестра были для Владимира образцом добродетели. В «Повести моих дней» он писал: «Есть черта в характере северных народов, которую я разделяю: поклонение женщине. Я убеждён: каждая, даже самая обычная женщина – ангел, и это правило не знает исключения. Если женщина не проявила этого качества, то потому только, что не представился случай, но придёт день – и вы увидите. С тремя женщинами свела меня жизнь (*третья – жена, Анна Гальперина – Р.Г.*), и у всех трёх нашёл я это качество, что же касается первой из них – мамы, то я не помню ни одного дня в жизни, чтобы она не была вынуждена биться, хлопотать, преодолевать трудности».

Мама и сестра привили ему вкус к хорошей литературе и к изучению языков, сестра научила восьмилетнего Владимира читать по-русски и дала ему несколько уроков английского языка. Вместе с ней он начал изучать иврит у Иегушуа Равницкого, еврейского писателя и журналиста, бывшего их соседом по дому.

От отца ему достался в наследство книжный шкаф, в котором обнаружили сочинения Пушкина, Лермонтова, Шекспира в русском переводе – Владимир «проглатывал» книгу за книгой. Когда в домашней библиотеке не осталось ни одной непрочитанной книги, настал черёд Диккенса, Золя, Джорджа Элиота, Гончарова – по мере взросления круг любимых авторов расширялся. Позднее это позволило Владимиру написать: «Кроме отрывочного знания латыни и греческого (и это я ценю по сей день), всему, чему я выучился в детские годы, я выучился не в школе».

Детские годы. Они были такими же, как у всех одесских мальчишек: задорных, самоуверенных и до безумия влюблённых в свой город (в какой-то момент эта влюблённость стала наследственным заболеванием одесситов), – в меру нахальных и искренне уверенных, что им под силу заново раскрутить земной шар. Лето они проводили в парке или на берегу моря. Парк

стал их вторым домом, в котором, когда припекало солнце, прогуливая гимназию, они пропадали до сумерек; повзрослев, на его аллеях они нащёптывали нежные признания девушкам...

Освящённые гением Пушкина, мальчишки писали стихи, музицировали, сочиняли рассказы – из них выросли братья Катаевы, Бабель, Багрицкий, Ильф и Олеша, но первые в списке великих одесских литераторов – Жаботинский и Чуковский.

Жаботинский был старше своего друга всего на два года, но, несмотря на малую разницу в возрасте, Чуковский считал его своим учителем. Уже став маститым писателем, во времена, когда имя Жаботинского будет запрещено упоминать, Чуковский напишет в частном письме: «он ввёл меня в литературу... в нём было что-то от пушкинского Моцарта, да, пожалуй, и от самого Пушкина... меня всегда восхищало в нём всё... и я, живший в неинтеллигентной среде, впервые увидел, что люди могут взволнованно говорить о ритмике, об ассонансах, о рифмоидах... Он казался мне лучезарным, жизнерадостным, я гордился его дружбой и был уверен, что перед ним широкая литературная дорога».

Тяга к творчеству появилась у Владимира в десятилетнем возрасте, первые стихи он «печатал» в рукописном журнале. В шестом классе Ришельевской гимназии он – уже почитаемый сверстниками «маститый поэт», один из редакторов тайной школьной газеты, которая, не имея никакого отношения к политике (гимназистов она не интересовала), называлась высокопарно: «Правдой».

(Лирическое отступление: автору знакомо школьное увлечение стихосложением и мальчишеская влюблённость в таинственность печатного слова – подражая Пушкину и его друзьям-лицеистам, издававшим рукописные журналы, автор затеял нечто подобное в 39-й школе, бывшей во времена Жаботинского женской гимназией Балендо Балю).

Два слова о женской гимназии Балендо Балю, раз уж о ней зашла речь... Она находилась в двух кварталах от дома Жаботинского, и вполне вероятно, что, когда «созрел виноград» и в жилах юного поэта заиграло вскружившее голову молодое вино, он караулил на улице очаровательных гимназисток и даже провожал их домой. Но со своей будущей женой, Анной (Иоанной) Гальпериной он познакомился прозаически: в гостях у соученика. Ему было пятнадцать лет, ей – десять. Анна музицировала на рояле, когда Владимир вошёл в их дом, и она, увидев странное явление, – негритянский профиль под буйной шевелюрой – не выдержала и расхохоталась за его спиной.

«Негритянский профиль» – первое впечатление, произведенное юношей и запомнившееся его будущей жене, наталкивает на внешнее сходство с Пушкиным. Но внешним сходством дело не ограничилось: было ещё и духовное родство. Трёх авторов – Шекспира, Пушкина и Лермонтова – Жаботинский знал, по его собственному выражению, «от доски до доски» ещё в четырнадцатилетнем возрасте. Через много лет не без гордости он написал в автобиографической повести: «даже поныне не без труда нахожу я стихотворение Пушкина, которое не было бы мне знакомо и которого я не знал бы до конца».

Страсть к сочинительству изменила его жизнь. Он перевёл на русский язык «Песнь песней» и «В пучине морской» Гордона и послал в петербургский ежемесячный журнал «Восход» – не напечатали; перевёл стихотворение «Ворон» Эдгара По и отправил в «Северный вестник» – не напечатали; написал роман, который послал Короленко, – и вместо рецензии получил вежливый ответ: «Продолжайте». В возрасте между 13 и 16 годами он рассылал в газеты и журналы бесчисленное количество рукописей, которые возвращались назад или попадали в редакционные урны. Но всё-таки упорство достигло цели: в августе 1897 года появилась первая публикация – статья в ежедневной одесской газете «Южное обозрение», вышедшая под псевдонимом «Владимир Иллирич».

Ободрённый публикацией, Жаботинский познакомился с жившим в ту пору в Одессе поэтом Александром Фёдоровым и вручил ему перевод «Ворона». Фёдорову перевод понравился, и он познакомил начинающего поэта с редактором газеты «Одесский листок».

Следует отметить, что в конце девятнадцатого века Одесса занимала видное место в Российской империи, по количеству населения уступая лишь Санкт-Петербургу, Москве и Варшаве и конкурируя с северными столицами, а потому одесская газета почти во всех европейских столицах имела зарубежных корреспондентов. Редактор принял Владимира тепло, и, воспользовавшись его доброжелательностью, Жаботинский спросил: «Стали бы вы публиковать мои корреспонденции из-за границы?» – «Возможно, – ответил редактор, оценив литературный слог юноши. – Но при двух условиях: если вы будете писать из столицы, в которой у нас нет другого корреспондента, и если не будете писать глупостей».

Реплика о глупостях станет понятной, если обратиться к воспоминаниям Паустовского о Чехове, смертельно боявшемся одесских репортёров, которые с легкостью выдумывали небылицы. Делясь литературными планами, Чехов неизменно заканчивал разговор просьбой: «Только ради Бога, ничего не рассказывайте одесским репортёрам».

«Одесский листок» был солидной газетой, и выбор европейских столиц, в которых издание не имело зарубежных корреспондентов, оказался невелик: Берн и Рим.

Мама, родственники и знакомые, которым Жаботинский сообщил о намерении оставить гимназию и отправиться за границу корреспондентом газеты, категорически возражали против такого безумного, на их взгляд, решения. Они твердили о трудностях поступления еврейских мальчиков в государственные учебные заведения, о законе 1886 года, вводившем для евреев процентную норму (в пределах черты оседлости количество евреев среди учащихся мужских гимназий и университетов не должно было превышать десяти процентов), напоминали о четырёх провальных попытках поступления в гимназию, реальное и коммерческое училище. Чудом называли они принятие его в подготовительный класс второй прогимназии, позволившее поступить в пятый класс Ришельевской гимназии, самой престижной в Одессе; об этом знаменитом учебном заведении то ли Катаев, то ли Олеша (авторство установить не удалось) запустил шутку: «Человечество делится на две неравные части: на тех, кто учился в Ришельевской гимназии, и тех, кто там не учился».

16-летний гимназист. Одесса. 1896 г.

Все доводы родственников, призванные отговорить его от скоропалительного решения, были логически аргументированными и разумными. В ответ на них Жаботинский, не имевший веских контраргументов, упрямо твердил: «Потому!». Он поступал так и в будущем, объясняя упрямство (которое предпочитал называть «упорством» и «непреклонностью характера») наследственной чертой, присущей всему еврейству. Рассказывая об этом эпизоде из своей жизни, когда он наперекор всем принял решение оставить гимназию, Жаботинский признался: «Это был не единственный случай... когда я покорялся необъяснимому «потому», и я не раскаиваюсь».

Необъяснимое «потому» зачастую заставляло его идти против всех (*хотя это не является примером подражания для подростков, – «Мама всегда права, и незачем с ней спорить», – говорит им автор и по-профессорски строго-настрого машет указательным пальцем*) – но только идущие против течения способны изменить его русло.

Когда мама обессилела от уговоров и поняла, что остановить его невозможно, она взмолилась: «Только не в Рим! Поезжай с Богом, раз ты уж решил оставить гимназию, но, на худой конец, – в Берн: там среди студентов есть дети наших знакомых».

С этой просьбой «послушный» сын согласился. Он попрощался с парком, на всю жизнь оставшимся в согревающих душу воспоминаниях, и весной 1898 года уехал в Швейцарию. Отрочество завершилось.

Давид Грин – ещё не Бен-Гурион. Детство и юношество

Первый премьер-министр Израиля родился 16 октября 1886 года в Плоньске – провинциальном городишке Варшавской губернии, при Екатерине Второй вошедшем в состав Российской империи и отошедшем к Польше в ноябре 1918 года, когда через столетие страна вновь обрела независимость.

Его отец, Авигдор Грин, помощник присяжного поверенного, которого местные евреи величали «адвокатом» в знак величайшего почтения за умение писать петиции (так школьники уважительно именуют «профессором» очкарика-вундеркинда, позволяющего скатать математику), по меркам уездного городка был обеспеченным человеком. Он владел двумя двухэтажными домами, полученными в качестве приданого жены, посещал лучшую в городе синагогу и дружил с Теодором Герцлем, доктором юриспруденции и основоположником политического сионизма.

Шейндал, жена Авигдора, была глубоко верующей женщиной. Давид был их четвёртым ребёнком – трое детей, родившихся до него, умерли в раннем возрасте. Всего у супругов было одиннадцать детей, но, по разным причинам, выжило только пятеро.

Давид не отличался крепким здоровьем, он рос хилым и шуплым мальчиком и был непропорционально крупноголовым, что вызывало тревогу родителей. Авигдор Грин отвёз сына в соседний город (в Плоньске специалистов-врачей не было – именно это являлось одной из основных причин высокого уровня детской смертности). Осмотрев мальчика, врач успокоил отца, заверив, что повода для беспокойства нет, и то ли в шутку, то ли всерьёз добавил, что Давид станет «большим человеком». Родители в это поверили, и мать размышляла, что быть ему великим раввином. А какие ещё есть варианты? Если «большой человек» – значит, раввин.

В отличие от Жаботинского, в детстве Давид не испытывал нужды. Семья была материально обеспечена, и средств на образование первенца не жалела. С пяти лет мальчик посещал хедер, где получил начальное образование. Затем отец перевёл его в реформистский хедер, и к идишу, родному языку, на котором разговаривали в семье, добавилось изучение иврита и Торы. Одновременно Давида определили в государственную школу, и в дополнение к традиционному еврейскому образованию он изучил русский язык и литературу. Нынешнее поколение русскоязычных читателей будет приятно удивлено, узнав, что в первые годы государства Израиль пленарные заседания Кнессета велись на русском языке – это был единственный язык, которым одинаково свободно владели все депутаты, в прошлом жители Российской империи.

«Сухопутный» провинциальный Плоньск, незаметный на политической карте мира, – городок, в котором, по переписи 1881 года, проживало 7824 жителя, – капля в море по сравнению с черноморской быстрорастущей Одессой (240 600 жителей в 1885-м и 403 815 жителей в 1897 году). Окружение, в котором рос Давид Грин (Бен-Гурионом он станет в двадцатичетырёхлетнем возрасте), не было артистическим, весёлым и легкомысленным, увлекавшимся сочинительством стихов и приключенческими авантюрами – от атмосферы, в которой рос Жаботинский, оно отличалось присущей провинции практичностью.

Владимир в молодости плавал в океане страстей, познал удовольствия, свойственные юности, исколесил Европу и оставил большое литературное наследие – а Давид с раннего детства был целеустремлён и практичен, из-за малого роста – 150 сантиметров – не пользовался успехом у девушек; мемуаров после себя он не оставил. Единственным журналистом, которому для написания биографии Бен-Гурион доверился на исходе лет – предоставил доступ к личному архиву и ответил на поставленные вопросы, – был Михаэль Бар-Зохар...¹

---

¹ Bar-Zohar, Michael. *Ben Gurion: a biography (centennial edition)*. – New York: Adama Books, 1986.

...Беда настигла семью Грин в 1897 году. Давиду исполнилось 11 лет, когда во время очередных родов умерла его мать. Долгие годы он болезненно переживал утрату. «Каждую ночь снилась мне мама, – вспоминал он по прошествии многих лет. – Я разговаривал с ней во сне и спрашивал: «Почему ты не дома?»»

Его дальнейшее воспитание проходило под влиянием отца, одного из местных лидеров Ховевей Цион (дословно «любящие Сион») – движения, основанного в 1884 году и ставшего предшественником политического сионизма, провозглашенного Герцлем на 1-м Сионистском конгрессе в августе 1897-го.

Если Жаботинский пришёл к сионизму самостоятельно, через потрясение кишинёвским погромом и самооборону, и впервые увидел Герцля в 23-летнем возрасте, в 1903 году на 6-м сионистском конгрессе, то Давид под влиянием отца ещё в детстве проникся идеями сионизма. Впервые он услышал Теодора Герцля в 11-летнем возрасте, в 1897 году, когда отец взял его на выступление Герцля в плоньской синагоге.

После смерти жены Авигдор недолго пробыл вдовцом и быстро женился, но Давид сторонился мачехи и до самой её смерти почти не общался с ней. Отделился он и от младших братьев и сестёр, проводя свободное время с друзьями – как и он, мечтающими о Сионе.

14-летние подростки создали молодёжное общество «Эзра», пропагандируя среди ровесников разговорный иврит. Отец всецело его поддерживал. К семнадцати годам Давид был уже готовым сионистом. На исходе августа 1903-го он прочёл в газёте о жарких дискуссиях, разгоревшихся на 6-м сионистском конгрессе и едва не приведших к расколу в сионистском движении, и безоговорочно поддержал русских сионистов, выступивших против «плана Уганды». В эти августовские дни Давид окончательно определился со своим будущим: оно было связано с Эрец-Исраэль. Приняв решение репатрироваться с самими близкими друзьями в Палестину, он начал себя к этому готовить – и решил, что первым делом надо освоить специальность строителя. Эта профессия, казалось ему, надолго будет наиболее востребованной в Эрец-Исраэль.

В 17 лет юношей посещают романтические грёзы – по мере взросления мечты испаряются, и на смену воздушным замкам приходят семейные ценности и «хлебная профессия», но Давида с детства отличало фанатичное упрямство – если он что-то задумывал, то шёл до конца. (Жаботинский, его будущий главный политический оппонент в сионистском движении, в семнадцатилетнем возрасте был далёк от политики – он увлекался литературой и барышнями. Впрочем, когда наступил переломный 1903 год кишинёвского погрома, это не помешало ему коренным образом изменить свою жизнь).

Следуя наперёд начертанным планам, Давид уехал в Варшаву – в провинциальном городке негде было продолжить обучение и приобрести специальность, которая понадобится в Эрец-Исраэль. Одно время он жил у дальних родственников, затем, начав подрабатывать учителем в частной школе, снял вместе с другом комнату и полтора года готовился к сдаче вступительных экзаменов в техническое училище Вавелберга. Пробелы в образовании, полученном в Плоньске, были большими, – ему пришлось брать частные уроки по математике, физике и русскому языку. Оказалось, что этого недостаточно. Администрация училища приняла решение допускать к вступительным экзаменам только выпускников гимназии или реального училища. У Давида аттестата, подтверждающего получение среднего образования, не было – малюсенький Плоньск был обделён учебными заведениями такого высокого ранга, а потому с мечтой получить профессиональное образование ему пришлось распрощаться.

В Варшаве Давида застала первая русская революция. Он увидел забастовки и демонстрации, революционных ораторов, требующих свободы и свержения самодержавия, солдат, стреляющих в безоружную толпу... и вернулся в Плоньск убеждённым социалистом, с мечтой о социальном равенстве и рае для трудящихся. В начале двадцатого века, богатом на иллюзии, Европа заболела коммунистическими и социалистическими идеями. В Варшаву Давид Грин

уехал в костюме с галстуком и накрахмаленной манишкой, как и полагается сыну помощника присяжного поверенного, – а вернулся в Плоньск одетым на манер фабричного рабочего, в кепке и косоворотке.

«Призрак коммунизма», во второй половине девятнадцатого века начавший бродить по Европе, в восточной её части наделал немало «великих» дел. Под его влиянием к концу века восточноевропейское еврейство раскололось на пять групп: на религиозных евреев, хасидов и ортодоксов, аполитичных веяниям революции; на юных фанатиков, будущих свердловых и троцких, отрেকшихся от иудаизма и принявших коммунистическую религию; на «чистых» сионистов, загоревшихся мечтой о Сионе²; на бундовцев³; на сионистов-социалистов, которые по аналогии с униатской (грекокатолической) церковью, пытавшейся примирить православие с католицизмом, задались целью объединить идеи сионизма и русского социализма. На этой почве в сионистской среде возникло движение «Поалей Цион» (Рабочие Сиона). Мечтателям о социальной справедливости казалось, что сионизм и социализм – идеальное сочетание для еврейского дома, который предстоит выстроить в Палестине.

В середине 1905 года Давид Грин присоединился к сионистам-социалистам. На собраниях он бурно обличал бундовцев, проявив себя страстным и умелым оратором, и продолжал готовиться к отъезду в Палестину, чтобы на практике осуществить юношескую мечту. Слухи о его ораторском таланте распространились за пределами Плоньска, и варшавское руководство «Поалей Цион» начало направлять страстного агитатора в другие местечки. Дважды Давида арестовывали за антиправительственную деятельность, и дважды отцу приходилось выкупать его из тюрьмы.

Погромы, от Вильно до Кишинёва бушевавшие на просторах черты оседлости, до Плоньска не докатились, и польские евреи, в отличие от российских, не искали убежища в Палестине. Некоторые ровесники Давида втайне от родителей бежали за море, чтобы вырваться из паутины патриархальных предрассудков еврейского местечка, в котором незамужняя девушка не может пройти по улице с юношей, чтобы не быть осуждённой в безнравственном поведении. Такое бегство было сродни романтическому путешествию, желанием испробовать себя в самостоятельной жизни. У Давида романтических порывов не было, он рос в атмосфере полного единства с отцом, всегда его поддерживавшим, и к отъезду готовил себя по идейным соображениям. Девушка, в которую он влюбился, Рахиль Нелкин, смело гуляла с ним по улицам Плоньска, наплевав на местечковые предрассудки. Когда он посвятил её в свои планы, она приняла смелое решение: уезжать вместе с возлюбленным. Её мать, побоявшись отпустить дочь, решила её сопровождать. Когда сборы были завершены, Авигдор, светясь от гордости, благословил сына и перед отъездом сфотографировался с ним под знаменем «Поалей Цион».

Молодые люди были преисполнены гордостью: они уезжали, чтобы строить еврейский дом на полупустынных и болотных землях, о которых Марк Твен писал в 1867 году, после посещения Святой Земли: «Едешь часами, везде пусто и голо, нет ни дома, ни деревца, ни кустика...» Такой была Палестина, которую предстояло осваивать отважным переселенцам.

...За полтора месяца до своего двадцатилетия вместе с четырнадцатью такими же юными друзьями-единомышленниками Давид отправился в путь. Перевалочным пунктом была Одесса. С Жаботинским, со своим будущим оппонентом, он даже теоретически не мог столкнуться на улице в его родном городе – Владимир в это время колесил между Вильно и Петербургом, занятый выборами во Вторую Государственную Думу.

Пароходная компания, осуществлявшая рейсы из Одессы в Палестину, процветала. Наполняемость регулярных рейсов обеспечивала Русская Духовная Миссия в Иерусалиме,

---

² Сион – гора в Иерусалиме, ставшая для евреев символом Иерусалима и Земли Обетованной.

³ Бунд – еврейская социалистическая партия, занимавшая антиссионистскую позицию, духовно примыкала к РСДРП.

учреждённая в 1847 году указом Николая I для укрепления православия на Святой Земле и поддержки русских паломников ко Гробу Господню и другим святыням христианского мира.

Путешественники купили палубные билеты на пароход и отплыли в Святую Землю. Дорога заняла несколько дней. Утром 7 сентября 1906 года судно с паломниками прибыло в порт Яффо. Когда Давид сошёл на берег, он был ошеломлён.

– Это даже хуже, чем Плоньск, – признался он через много лет, вспомнив о мыслях, посетивших его при виде запущенных арабских кварталов Яффо.

Такой же негативной была реакция его спутников, ошеломлённых грязью и нищетой.

– Я не останусь в Яффо даже на одну ночь! – воскликнул один из его друзей. – Это не земля Израиля. Прежде чем стемнеет, я отправляюсь в Петах-Тиква.

В этот же день после обеда репатрианты пешком направились в Петах-Тиква – еврейское поселение, в котором проживало несколько их земляков из Плоньска. В полночь они были на месте.

Палестина в те времена не выглядела сказочной и цветущей библейской страной, в которой новоприбывших ждали молочные реки и кисельные берега. Столетия войн и разрухи до неузнаваемости изменили Святую Землю. Поселенцев встречали болота, опустошение, голод, каторжный труд и толпища малярийных комаров, жадно набрасывающихся на новую жертву. Кладбища росли быстрее новых поселений. Не имея навыков земледелия, многие энтузиасты не выдерживали испытаний малярией, голодом, влажным климатом и непосильным физическим трудом и первым же пароходом старались вернуться в диаспору. Позднее Бен-Гурион вспоминал, что девять из десяти эмигрантов, прибывших со Второй алией⁴, уехали из страны.

Давиду пришлось работать на закладке апельсиновых рощ, долбить киркой потрескавшуюся на солнце непокорную глинистую почву, в кровь натирать руки – и усвоить девиз упрямцев-первопроходцев, добровольно обрекших себя на каторжный труд: «победа трудом», но, невзирая на трудности, пожелавших остаться, чтобы возродить еврейское государство. Первопроходцы, как правило, – молодые люди, не отягощенные домом и семьей, склонные рисковать жизнью и морально готовые к лишениям и трудностям быта. Романтический налёт быстро улетучился.

Давид исправно писал письма отцу. В одном из них он признался: «Только две категории рабочих смогут закрепиться на этой земле: те, кто обладают железной волей, и те, у кого хватит сил, – крепкие молодые люди, привыкшие к тяжёлому физическому труду».

Физических сил у него было немного – с детства он был болезненным юношей, зато упорства и силы воли имелось с лихвой.

Вскоре на Давида обрушилось тяжёлое испытание, через которое прошли почти все поселенцы: он заболел малярией. Болезнь протекала тяжело. Лечащий врач посоветовал ему вернуться домой, считая, что шансов выжить у него не так много, но Давид вцепился зубами в глинистую малярийную землю Петах-Тиква – и остался наперекор всему.

...Отгремели баталии освоения Палестины. Трудности первых десятилетий остались в прошлом. Они были разными, фанатики-первопроходцы: одни – «чистыми» сионистами, мечтавшими о возрождении еврейского государства, другие приехали с грёзами о социализме и коммунизме и столкнулись с классовыми конфликтами между евреями-землевладельцами из первой алии и новоприбывшими, сельскохозяйственными рабочими. Не было на заре двадцатого века министерства абсорбции, помогающего репатриантам. На плечи переселенцев ложились заботы об обустройстве, поиск жилья, пропитания. Их встречали голод, безработица, малярийные болота в Иудее, которые предстояло осушить, и вражда соседей-арабов в Галилее,

---

⁴ Вторая алия – волна еврейской эмиграции в Палестину, начавшаяся после кишинёвского погрома и датируемая предвоенным десятилетием, 1904–1914 годами. Помимо религиозных сионистов она включала и социалистов, основавших киббуцное движение.

где мягкий климат и отсутствие болот позволяли развивать земледелие – но здесь, на пригодных к жизни землях, развернулась настоящая война за рабочие места. Переселенцы отвоёвывали их, соглашаясь работать чуть ли не задарма. О независимом еврейском государстве, которое когда-нибудь здесь возродится, трудно было мечтать – шестивековая Османская империя казалась вечной и в обозримом будущем несокрушимой.

Помимо естественных климатических и бытовых трудностей, встретивших в Палестине идеалистов из Плоньска, переселенцы столкнулись с ситуацией, характерной для современного Израиля. Старожилы не ладили с новыми репатриантами, религиозные евреи конфликтовали со светскими, да и светские евреи молились разным Богам. Их разброс был велик: от «чистого» сионизма до сионизма с марксистским лицом. Между собой они враждовали – вместо того, чтобы отложить идеологические разборки до момента создания крепко стоящего на ногах государства и, помогая друг другу, сообща строить общий дом...

Такую безрадостную картину застали в Палестине плоньские сионисты.

Ненадолго прервём рассказ о Давиде Грине, приехавшем в Палестину в двадцатилетнем возрасте. Мы вернёмся к нему после глав, посвящённых Жаботинскому, – дождавшись, когда у поэта пролетят годы бурной молодости, когда он познавал прелести жизни, свойственные возрасту, и станет зрелым сионистом и окажется там, где мы остановились, рассказывая о Бен-Гурионе: в 1906 году.

А пока окупёмся в не предвещающий кипучих событий год 1898-й. Жаботинскому пошёл восемнадцатый год, Давиду Грину – двенадцатый. Сионизм – в пелёночном возрасте, и спорить им пока ещё не о чём. У Владимира на уме девушки и стихи, Давид до этого ещё не созрел. Впрочем, девушками Давид никогда не увлекался настолько, чтобы терять голову. Первая любовь, настигшая его в семнадцатилетнем возрасте и заставившая плакать ночами над стихами, посвящёнными любимой девушке, которая пренебрегла им, выбрав его лучшего друга, рослого и красивого, – не сломала Давида и не отвернула от выбранной цели жизни.

Жаботинский. Первое пророчество

Прибыв в Швейцарию весной 1898-го, в Бернском университете Жаботинский записался на отделение права и, помня о редакционном задании, окунулся в жизнь «русской колонии» – немногочисленной, около трёхсот человек. В большинстве своём это были евреи, из-за существования процентной нормы вынужденные выехать за границу для получения образования. В центральной Европе они вдохнули запах свободы, приобщились к либеральным идеям, вскружившим головы их европейских сверстников, и, почувствовав историческую ответственность за судьбу человечества (это беспокойство и желание переделать мир у потомков Яакова и Моисея заложено на генетическом уровне), решили перенести европейский социализм на российскую почву.

Дважды в неделю «колонисты» собирались на дискуссионные вечера и спорили до хрипоты, но иногда встречи были развлекательными: объединившись, политические противники, эсеры и эсдеки, пели песни на русском и на идиш, который почти для всех «колонистов» был родным языком. Жаботинский среди них был самым молодым.

17 с половиной лет – возраст, в котором принято больше слушать, чем говорить. На одном из клубных вечеров Жаботинский, обычно молчавший и жадно прислушивавшийся к ораторам, вышел на трибуну и впервые в своей жизни произнёс речь, вызвавшую гнев и возмущение слушателей. В центре просвещённой Европы, надышавшейся парами «призрака коммунизма», несовершеннолетний юноша предсказал надвигающуюся Катастрофу: «Еврейская диаспора неизбежно завершится «Варфоломеевской ночью». Спасение еврейского народа возможно лишь путём всеобщей репатриации в Палестину».

В этот прогноз было трудно поверить, и Жаботинский моментально нажил себе множество врагов (впоследствии такое будет происходить часто). Председатель собрания, спустя годы осознавший его правоту и ставший в Палестине активным деятелем сионистского движения, назвал его «законченным антисемитом» и, гневно на него указывая, пояснил собравшимся: «Он советует нам укрыться в Палестине, иначе всех нас вырежут!» Действительно, о какой Палестине говорит этот наглый юноша, если на пороге двадцатого века в Германии евреи уже **почти** добились полного равноправия и недалёк тот час, когда и в обновлённой демократической России они приобретут гражданские права и свободы!

Между Берном и Базелем всего сотня километров. Наверняка увлекавшиеся политикой бернские «колонисты» знали весной 1898 о 1-м сионистском конгрессе, состоявшемся в Базеле в августе 1897-го и принявшем Базельскую программу, которая сформулировала основные принципы политического сионизма: «создание национального очага» и возвращение евреев на историческую Родину. Для достижения этих целей Теодор Герцль, автор программы, считал необходимым действовать поэтапно: вначале содействовать поселению в Палестине ремесленников и сельскохозяйственных рабочих, а затем добиваться международного признания права евреев на возвращение в Сион. Он выдвинул лозунг: «Земля без народа – для народа без земли». Таким был сионизм в конце XIX века: практическая деятельность, направленная на создание в Эрец-Исраэль еврейских сельскохозяйственных поселений. Лишь после завершения этапа экономического освоения Палестины, по мнению первых социалистов-сионистов, должен начаться второй этап – организованное переселение евреев в Эрец-Исраэль и строительство еврейского государства.

Базельская программа объединила политические и практические аспекты сионистского движения, но в то время мечта о Сионе массово ещё не владела еврейскими умами, и головы бернских колонистов были заняты русской революцией.

Оттоманская империя казалась незыблемой, и еврейские активисты призывали быть реалистами и ратовали за борьбу за гражданские права в странах рассеяния. Среди «просвещён-

ных евреев», интегрировавшихся в культуру и язык новой родины, сначала в Германии (а затем и в России) царило убеждение, что единственный путь евреев – ассимиляция и социализм. На пороге двадцатого века, самого кровавого в еврейской истории, в еврейской общине модной была поговорка: «У человека было два сына: один умный, а другой сионист».

У Жаботинского «стадного чувства» никогда не было. Он не шёл на поводу у толпы, оправдывая политические зигзаги любимой фразой политиков-флюгеров «Я следую за волеизлиянием потенциальных избирателей», и никогда, потворствуя большинству, не стремился сорвать аплодисменты или завоевать престижное место в выборных органах. Он обладал даром предвидения – причём не на далёкую, труднопроверяемую перспективу: его пророчества сбылись в течение жизни одного поколения.

Так было в 1898-м, когда семнадцатилетним юношей он бросил вызов аудитории, так было и четверть века спустя, в январе 1923-го, когда он вышел из руководства сионистской организации, пояснив корреспонденту журнала «Рассвет» причину своего поступка: «Я никогда не соглашусь осуществить или помочь осуществлению плана, идущего вразрез с моими собственными воззрениями». Затем пояснил, как он понимает свою роль: «Задача публициста или общественного деятеля... не в том, чтобы следовать за общественным мнением или «выражать» его, а в том, чтобы провести его – или, если хотите, протащить».

Он отмежевывался от социалистов, честно признавшись, что «не познакомился как следует с этим учением», и публично причислил себя к сионистам. После собрания Хаим Раппопорт, один из будущих коммунистических лидеров Франции, подошёл к Жаботинскому и назвал его зоологическим юдофобом. Жаботинский ответил, что он еврей, – ему не поверили. Высказанное им пророчество и предложение укрыться в Палестине «просвещённым евреям» казалось диким.

Бернские колонисты не были одиноки в своей близорукости. Вдохновлённые равноправием евреев в просвещённой Германии, светлые умы австро-немецких евреев – Фрейда, Фейхтвангера, Эйнштейна, Стефана Цвейга – возможность Холокоста не рассматривали даже теоретически...

...Этой речью началась сионистская деятельность Жаботинского. До начала массовых погромов, всколыхнувших Россию, оставалось 5 лет; до принятия в «просвещённой Германии» нюрнбергских расовых законов, приведших к Катастрофе европейского еврейства и подтвердивших первое пророчество Жаботинского, – 37 лет.

Рим

Летом 1898-го публикация в петербургском журнале «Восход» стихотворения «Город мира» стала началом литературно-сионистской деятельности Жаботинского. А осенью для продолжения учёбы он переехал в Рим, где с перерывом на летние каникулы (летом он неизменно возвращался в Одессу) он прожил три года.

Он сменил газету, перешёл в «Одесские новости», самую популярную газету юга России, став её римским корреспондентом, – новая газета надолго стала его голосом, в ней с небольшими перерывами он проработал до Первой мировой войны.

Годы, проведенные в Италии, отточили интеллект Жаботинского. «Если есть у меня духовное отечество, то это Италия, а не Россия, – писал он позднее. – Со дня прибытия в Италию я ассимилировался среди итальянской молодежи и жил её жизнью до самого отъезда. Все свои позиции по вопросам нации, государства и общества я выработал под итальянским влиянием. В Италии научился я любить архитектуру, скульптуру и живопись, а также литургическое пение... В университете моими учителями были Антонио Лабриола и Энрико Ферри, и веру в справедливость социалистического строя, которую они вселили в моё сердце, я сохранил как «нечто само собой разумеющееся», пока она не разрушилась до основания при взгляде на красный эксперимент в России. Легенда о Гарибальди, сочинения Мадзини, поэзия Леопарди и Джустини обогатили и углубили мой практический сионизм и из инстинктивного чувства превратили его в мировоззрение... В большинстве музеев я чувствовал себя как дома».

В Италии Жаботинский переболел увлечением социализмом. По его собственному признанию, духовно в эти годы он примыкал к социалистам и, хотя ни разу не вступал в партию, разделял её взгляды, считая, что национализация орудий производства – естественное последствие развития общества, а «рабочий класс» – знаменосец всех неимущих, независимо от того, наёмные ли они рабочие, лавочники или адвокаты без клиентуры».

Италия конца девятнадцатого века была едва ли не единственной европейской страной, в которой не существовало антисемитизма, и, несмотря на обет, который юноша дал себе в Берне (посвятить себя после окончания учёбы сионистской деятельности), Жаботинский не только не вспоминал о нём, но даже и не интересовался ежегодными сионистскими конгрессами, собиравшимися в Базеле.

Он влюбился в Италию. Предмесья Рима знакомы ему были так же, как Фонтаны Одессы. Почти в каждом из римских предместий ему довелось квартировать – где месяц, где два. «Через неделю, – вспоминал Жаботинский, «скромно» не упоминая девушек, его навещавших, – хозяйки начинали бунтовать, протестуя против непрерывной сутолоки в моей комнате, визитов, песен, звона бокалов, криков спора и перебранок и, наконец, всегда предлагали мне подыскать себе другое место».

Немногие из нынешнего поколения читали «Исповедь» Жан Жака Руссо, не побоявшегося публичного раскаявания, – обычно мемуаристы выстраивают себе прижизненный памятник из каррарского мрамора, забывая о грехах молодости, привирая и приукрашивая свою жизнь. Жаботинский был честен всегда. Даже в мелочах. Со стыдом повинился он в преступлении, непристойном для будущего лидера сионистов. Как-то в молодёжной компании, обсуждавшей обычаи католической церкви, на вопрос одной из девушек: «А вы, господин, православный?» – он, сам не ведая почему, ответил утвердительно. Впоследствии, анализируя свой поступок, он нашёл объяснение (хотя никогда не любил оправдываться), что в римский период он вёл жизнь «молодого, здорового и легкомысленного существа», не ощущая себя частью еврейского гетто. «Возможно, я опасался, – размышлял Жаботинский, – что потеряю в их мнении, если признаюсь перед этими свободными людьми в том, что я раб». Он не забывал о черте оседлости и ограничениях в правах, которым подвергались евреи в Российской империи (об

этом ему напоминала каждая каникулярная поездка домой), но в компании свободных людей хотел казаться таким же, как и они.

...Итальянский язык стал его родным, жители Рима принимали его за уроженца Милана, сицилианцы за римлянина, но никак не за чужеземца. Молодости он отдал, по его признанию, всё, что ей причиталось: любил выпить и погулять, познал лёгкие суетные удовольствия и сумасбродства, которые весело описывал на страницах «Одесских новостей», иногда сильно приукрашивая (сказалось влияние одесских репортёров, которых боялся Чехов).

Дважды в неделю его итальянские письма под псевдонимом Альталена печатались в «Одесских новостях». Вскоре его статьи стали появляться в петербургском «Северном курьере», а затем и на итальянском языке в газете итальянских социалистов «Аванти».

Из его рассказов вырисовываются сумасбродства его итальянской жизни, названные им «юношеской глупостью». Они сделали его любимцем либеральной публики и самым популярным российским зарубежным корреспондентом. Из них мы узнаём о Пренаде, невесте его друга Уго, которую он с друзьями выкупил из публичного дома и вывез в торжественной процессии с мандолинами и факелами. О споре, вспыхнувшем между ним и Уго, и о двух «секундантах», посланных Жаботинским, чтобы вызвать его на дуэль. О появлении его в качестве свата, в чёрном фраке и жёлтых перчатках, перед синьорой Эмилией, прачкой и женой извозчика, когда от имени своего друга Гофридо он просил «руки» её старшей дочери...

Публику забавляли его рассказы, редакторов – радовали. Политики в них было немного, больше было приключенческого авантюризма, привлекавшего читателей. Когда летом 1901 года Владимир ненадолго приехал в Одессу, намереваясь к осени вернуться в Италию и закончить обучение на юридическом факультете, он, к своему великому удивлению, обнаружил, что как писатель «приобрёл имя». В городском театре ставились его пьесы. Двадцатилетнему юноше льстила неожиданная популярность, возможность бесплатно пройти в оперный театр, где в пятом ряду его ждало персональное кресло с выгравированной на табличке надписью: «г-н Альталена», – такой же бесплатный пропуск был у него во всех театрах Одессы.

Редактор газеты сделал ему щедрое предложение, предложив ежедневно писать фельетон, и положил немалый по тем временам оклад, 120 рублей. Искушение было велико, и двадцатилетний литератор, почувствовавший себя на вершине писательской Славы, не устоял, отказавшись от университетского диплома, карьеры адвоката, любимой Италии и возможность жить вне черты оседлости. Эта привилегия по закону 1870 года полагалась евреям, получившим высшее образование, но г-н Альталена от неё отказался и остался в Одессе, о которой после большевистской революции, когда дорога в родной город была закрыта, с нежностью писал в ностальгических воспоминаниях:

«Одним из трёх факторов, которые наложили печать свободы на моё детство, была Одесса. Я не видел города с такой лёгкой атмосферой, и говорю это не как старик, думающий, что на небосклоне потухло солнце, потому что оно не греет ему, как прежде. Лучшие годы юности я провел в Риме, жила в молодые лета и в Вене и мог мерить духовный «климат» одинаковым масштабом: нет другой Одессы – разумеется, Одессы того времени – по мягкой весёлости и лёгкому плутовству, витающим в воздухе, без всякого намека на душевное смятение, без тени нравственной трагедии».

Если другого пояснения нельзя обнаружить, то не объясняют ли эти строки географический феномен, случившийся на пересечении 46 градусов северной широты и 30 градусов восточной долготы: появление в короткий промежуток времени яркой плеяды одесских вундеркиндов: Жаботинского, Чуковского, Саши Чёрного, и в последующем поколении – братьев Катаевых, Утёсова, Ильфа, Бабея, объединённых артистичной «мягкой весёлостью и лёгким плутовством, витающим в воздухе»?

Первый арест

Приняв щедрое предложение редактора, Жаботинский остался в Одессе, но Россия, которую он застал, уже была иной. В воздухе пахло революцией, ослабла цензура. Студенчество было охвачено брожением, предчувствием перемен. Публично произносимые слова «конституция» и «социализм», некогда крамольные и чреватые сибирской каторгой, вселяли надежду на скорое светлое будущее. Россия и русское еврейство (в частности) жили в наивном заблуждении, что достаточно одного мощного толчка, и демократические ценности, на завоевание которых Европа затратила целое столетие, будут молниеносно достигнуты.

Самодержавный режим, трещащий прямо на глазах, продолжал сопротивление, но оно ни в какое сравнение не шло с репрессиями жандармов царя Николая I. В России уже действовал суд присяжных, который – немыслимое для прежних царей дело – оправдал террористку Веру Засулич, стрелявшую в петербургского градоначальника. И за что?! За приказ выпороть заключённого, не пожелавшего его приветствовать. О tempo, о mores! – О времена, о нравы! О Россия, о суд присяжных конца девятнадцатого века! Куда мы катимся?! В правосудие, (страшно подумать) независимое от государства?!

В начале 1902-го Жаботинского арестовали. Г-н Альталена жил в квартире родной сестры, вышедшей к тому времени замуж, в которой ему была отведена комната. Ночью пришли жандармы, перерыли книги, нашли запрещённую брошюру и статьи в газете итальянских социалистов «Аванти», подписанные его именем, и до получения официального свидетельства политической благонадёжности автора (итальянским языком жандармский офицер не владел) журналист, успевший уже повздорить с властями, был арестован.

Дорогу в тюрьму, которая находилась за Чумкой, позади Второго еврейского кладбища, Жаботинский коротал в пролётке любезной беседой с околоточным надзирателем, который оказался большим поклонником его творчества: «Читал я, сударь, ваши статьи: весьма недурственно».

Под арестом Жаботинский провёл семь недель – столько времени потребовалось переводчику, чтобы подтвердить, что в статьях г-н Альталена нет «посягательств на достоинство государя Императора».

...Это историческое здание, одесская тюрьма, знавшая многое и многих, и поныне исправно исполняет служебный долг, решётчатыми окнами поглядывая через дорогу на разросшееся христианское кладбище. На месте еврейского, примыкавшего к тюрьме и снесённого в семидесятых годах прошлого столетия, разбит ныне парк – тюрьмы в Восточной Европе живут дольше еврейских кладбищ.

Семь недель, проведённых Жаботинским в царской тюрьме, стали его данью русской революции. Он научился пользоваться тюремной почтой. Полученный опыт пригодится через 18 лет: став узником британской тюрьмы в Акко, он вспомнит, чему его учили в Одессе. Впрочем, в России он ещё трижды освежит память кратковременными арестами – в Херсоне, после несанкционированного властями собрания сионистов; в той же Одессе, в конце 1904-го, после выступления на митинге против самодержавия, которое Жаботинский завершил любимым итальянским выражением: «Баста!»; и в Петербурге, в 1905-м, за нарушение паспортного режима: еврею не положено жить в черту оседлости. Третий арест был профилактическим. В полиции ему проставили красную печать в паспорте, означающую, что в 24 часа правонарушитель должен покинуть столицу российской империи, и в сопровождении городского вежливо проводили на Финляндский вокзал, где слуга закона, получив от арестанта серебряный рубль, приложил руку к козырьку и стоял перед ним навтыжку, пока не тронулся поезд. Какая идиллия! (Автор хотел написать «коррупция», но, к счастью, одумался).

Кишинёвский погром и самооборона

Мировоззрение г-н Альталены изменил 1903 год. Царское правительство само виновно в проникновении в Россию революционных веяний. Отмени оно черту оседлости и процентную норму – и евреи не отправлялись бы за образованием в европейские университеты и не впитывали бы идеи западных демократий. В Россию они возвращались не всегда с университетским образованием, но с головой, забитой революционными идеями, на которые царский режим нашёл единственный ответ – усиление антисемитизма.

Провокационные лозунги, запущенные царскими опричниками: «Народ – за самодержавие, все беды – от инородцев», – должны были, по замыслу монархистов, направить народное недовольство в иное русло и разрядить его пьяной вакханалией еврейских погромов. Революцию, легкомысленно считали они, легко остановить избиениями евреев, ставших, по словам Жаботинского, «легко воспламеняющимся материалом», «грибком фермента», вызвавшим «брожение в огромной, тяжёлой на подъём России». Волны погромов одна за другой прокатывались по черте оседлости, и Одесса, двадцать лет не знавшая кровавых беспорядков, также ждала нашествия.

Что делать? Смиренно ждать ударов судьбы? Девятого всепожирающего вала с десятками, а то и сотнями убитых? У Жаботинского готов был жёсткий ответ: самооборона. 1903-й стал поворотным в его жизни. Его всё ещё носили на руках, он всё ещё был вундеркиндом Одессы, самым популярным фельетонистом юга России, драматургом, чьи пьесы шли в городском театре, но теперь, перед угрозой кровавой бойни, двадцатитрёхлетний сотрудник «Одесских новостей» не мог покорно сидеть, вобрав голову в плечи.

Первая мысль, пришедшая ему в голову: самооборона, решительный отпор погромщикам и бандитам. Не зная с чего начать, он пишет письма видным еврейским деятелям города, предлагая наладить самооборону, и в ответ на одно из них получает предложение присоединиться к уже существовавшему в Одессе ядру самообороны. Вместе с такими же отважными юношами (один из них, Израэль Тривус, в будущем станет его коллегой в правлении сионистов-ревизионистов) он закупает оружие, патрулирует улицы, пишет прокламации к еврейской молодёжи, призывая не подставлять покорно шею под нож и на удар отвечать ударом.

В 1903-м году пронесло. Одессу не тронули. Но наступит 1905 год, год самого кровавого из всех российских погромов – одесского, когда и самооборона оказалась бессильной, и более четырёхсот евреев будут захоронены в одной братской могиле, подтверждая самые страшные предсказания.

Жаботинского тогда в Одессе уже не будет: из-за постоянных конфликтов с полицией он вынужден будет покинуть город. Но если в 1903 году властная рука отведёт от Одессы волну убийств, то удар примет Кишинёв: в дни христианской Пасхи, на которую обычно приходился пик погромов, убито 49 евреев, ранено 586, более 1500 еврейских домов разрушено.

Газета «Одесские новости» начала сбор пожертвований в помощь пострадавшим. Люди присылали деньги, одежду, и редактор отправил молодого и энергичного сотрудника в Кишинёв раздать их нуждающимся в помощи. То, что Жаботинский увидел и услышал, его потрясло. Его возмутило, что перед началом погрома кишинёвская полиция расправилась с самооборонной, развязав руки бандитам, – но возмутило и отсутствие сопротивления, покорная обречённость, с которой местные евреи встретили погромщиков. Это окончательно убедило его, что активная политика, сила и твёрдость – единственное оружие, способное противостоять насилию. В Кишинёве он познакомился с лидерами русских сионистов. Там же произошло знакомство с поэтом Бяликом, приехавшим для сбора материалов о зверствах, совершённых во время погрома – знакомство это впоследствии перешло в дружбу.

Шестой сионистский конгресс

Активная деятельность Жаботинского в деле организации самообороны и в период оказания помощи кишинёвцам была по заслугам оценена одесскими сионистами, увидевшими в нём качества лидера. Когда Жаботинский вернулся из Кишинёва, Соломон Зальцман, еврейский издатель и предприниматель, предложил ему стать делегатом одесского отделения Эрец-Исраэль на шестом сионистском конгрессе в Базеле.

Жаботинский удивился и честно признался, что он совершенный профан во всех вопросах движения, на что Зальцман, позднее гордившийся, что именно он привлёк Жаботинского к сионизму, невозмутимо ответил: «Научитесь».

Жаботинский был молод, ему не хватало полутора лет до достижения 24-летнего возраста, дающего права быть делегатом конгресса, но нашлись поручители, «добрые лжесвидетели», – тот же Зальцман приложил к этому руку – присягнувшие, что ему исполнилось 24 года.

...Шестой сионистский конгресс, проходивший 23–28 августа 1903 года, был последним, на котором присутствовал Теодор Герцль, и первым, на котором сионизм проходил испытание на зрелость: на повестке дня было обсуждение заманчивого британского предложения о создании еврейского национального очага в центре Африки, в Уганде.

Следует сказать, что в середине XIX века в Великобритании продолжил развитие христианский сионизм⁵ – убеждение части христиан, что возвращение еврейского народа в Святую землю и возрождение еврейского государства является исполнением пророчеств Библии из книг пророков Даниила и Иезекиля. Идеи христианского сионизма увлекли императора Германии Вильгельма II, и он пожелал встретиться с Герцлем в Константинополе, по дороге на Святую Землю.

Их вторая встреча состоялась 2 ноября 1898 года в палаточном лагере кайзера в предместье Иерусалима, где тот вновь обещал поддержать сионистов. Благодаря протекции кайзера состоялись переговоры Герцля с султаном. Завершились они ничем. Герцль не смог обещать Абдул-Хамиду II финансовую помощь, в которой нуждалась Турция, и взамен добиться уступок в вопросе еврейского заселения Палестины. До конца жизни Герцль не расставался с иллюзией, что если бы у него оказалось достаточно денежных средств, то он бы выкупил у султана земли для создания в рамках Османской империи еврейской государственной автономии. Но в дни, когда после кишинёвского погрома, стараясь облегчить положение русских евреев, он отправился в Россию на переговоры с министром внутренних дел Плеве, подоспело британское предложение об Уганде, ставшее на Базельском конгрессе камнем преткновения.

На конгрессе развернулась бурная дискуссия. Потрясённые безысходным положением шестимиллионного русского еврейства, большая часть которого жила в нищете и подвергалась унижениям и гонениям, лидеры сионизма решили не дожидаться согласия султана на массовую алию в Палестину. Герцль склонялся к принятию альтернативного варианта. Он поставил на голосование британское предложение, обосновывая его принятие необходимостью срочно найти временное убежище для восточноевропейских евреев. «Лучше Уганда – сегодня, чем Иерусалим неизвестно когда», – убеждали делегатов конгресса его сторонники.

Однако именно русские евреи, ради спасения которых Герцль решил «пожертвовать» Палестиной, выступили категорически против «плана Уганды». Их преданность Эрец-Исраэлю оказалась выше сиюминутных соображений. Тщетно Герцль пытался убедить их, что Уганда –

---

⁵ Христианский сионизм зародился в XVII веке в Великобритании. В 1621 году Генри Финч, член Британской палаты общин, заявил, что евреи вернутся в Палестину, завладеют землёй, некогда им принадлежавшей, и останутся там до Судного дня. Христиане-евангелисты считают, что Господь обещал Аврааму: Он благословит народы, которые помогают евреям, и проклянет тех, кто их проклинает. Они веруют, что любовь Господа по отношению к кому-либо проходит через Его любовь к евреям и что второе пришествие Христа произойдёт, когда евреи вернутся в Сион, на Землю Обетованную.

временная остановка на пути в Эрец-Исраэль. Русские евреи не желали променять Иерусалим ни на какую другую страну, они готовы были страдать и ждать столько, сколько потребуется. Оппозицию «плану Уганды» возглавил Хаим Вейцман. Однако большинство делегатов, очарованных ораторским мастерством и харизматичной личностью Теодора Герцля, проголосовало за британское предложение.

Оппозиционеры остались в меньшинстве и в знак протеста вышли из зала. Жаботинский присоединился к ним, несмотря на поклонение перед личностью Герцля, которого он воспринял как пророка и вождя Израиля. На Жаботинского Герцль произвёл колоссальное впечатление. «Нелегко поклоняющийся личности» (слова Жаботинского о самом себе), он был им заворожен. Жаботинский неоднократно подчёркивал, что ни один человек из тех, с кем ему приходилось сталкиваться до и после Герцля, не произвёл на него такого впечатления.

Взволнованный самоотверженностью русских евреев, Герцль вновь поднялся на трибуну и в примирительной речи, ставшей, как оказалось, политическим завещанием, произнёс историческую клятву: «Если забуду тебя, о Иерусалим, пусть отсохнет моя правая рука...» Эти слова созвучны ежегодному заклинанию-надежде, которое почти два тысячелетия подряд со свойственным евреям упорством произносится во время пасхального седера в каждом еврейском доме диаспоры: «В следующем году, в Иерусалиме».

«Я верил его клятве, – писал Жаботинский, – все мы верили, но голосовал я против него, и я не знаю почему. Потому что – потому, которое имеет большую силу, чем тысяча аргументов».

Герцль умер через десять месяцев после произнесения клятвы, 3 июля 1904 года, завещав похоронить его в Вене рядом с могилой отца, – в ожидании, что еврейский народ обретёт государственность и перезахоронит его останки в Эрец-Исраэль. Его клятву Жаботинский повторит в 1904 году в стихотворении «Памяти Герцля», пророчествуя, что сбудется его мечта быть похороненным на Земле Израиля, когда еврейский народ приобретёт национальную независимость:

*«Он не угас, как древле Моисей,
На берегу земли обетованной:
Он не довёл до родины желанной
Её вдали тоскующих детей:
Он сжёг себя и отдал жизнь святыне
И «не забыл тебя, Иерусалим». —
Но не дошёл и пал ещё в пустыне,
И в лучший день родимой Палестине
Мы только прах трибуна предадим.*

*«...» Спи, наш орёл, наш царственный трибун.
Настанет день – услышишь гул похода,
И скрип телег, и гром шагов народа,
И шум знамён, и звон весёлых струн.
И в этот день от Дана до Бер-Шевы
Благословит спасителя народ,
И запоют свободные напевы,
И поведут в Сионе наши девы
Перед твоей гробницей хоровод».*

После конгресса Жаботинский не мог уже быть таким, каким он был прежде. Теперь всю свою энергию, весь дар писателя и публициста, талант организатора и пропагандиста он посвятит созданию независимого еврейского государства.

Вернувшись в Одессу, первым делом он разыскал Равницкого и попросил продолжить уроки иврита, которые брал у него в детстве.

Он перевёл с иврита поэму Хаима Бялика «Бе-‘ир ха-харега» – дословно: «В городе резни» (в переводе на русский язык – «Сказание о погроме»), затем написал ряд статей, собрал их в сборник, озаглавленный «Противникам Сиона», – Зальцман издал его тонкой брошюрой и распространял в Вильно, Петербурге, Саратове... Еврейская общественность, кто с одобрением, а кто с ненавистью, восприняла его как нового лидера сионистов.

А споры в сионистском движении относительно «плана Уганды» продолжались даже после смерти Теодора Герцля. Интересная беседа, актуальная и поныне в связи с попытками обсуждения статуса Иерусалима, состоялась в 1906 году между лордом Бальфуrom и Хаимом Вейцманом. На вопрос Бальфура: «Почему вы так сопротивляетесь «плану Уганды?» – Вейцман ответил: «А вы готовы были бы покинуть Лондон в обмен на Париж?» – «Но ведь Лондон – столица моего государства», – удивился Бальфур самой постановке вопроса. «Иерусалим, – ответил Вейцман, – был столицей нашего государства, когда на месте Лондона были болота».

Отец Биньямина Нетаньяху, премьер-министра Израиля, был личным секретарём Зеева Жаботинского, а его дед, Натан Милейковский – участником шестого сионистского конгресса. Вот что Биньямин Нетаньяху пишет об этих событиях:

«Мой дед смог более конкретно объяснить, почему он, вместе с другими восточноевропейскими сионистами, выступил против Теодора Герцля. Мой отец спросил его, исходила ли оппозиция угандийскому плану из убеждения, что Британия не выполнит своих обязательств и план этот всё равно не будет осуществлён на практике. Он хорошо запомнил ответ моего деда:

«Напротив, мы были убеждены в том, что англичане сдержат слово. В те дни Британия пользовалась огромным авторитетом в глазах евреев. И мы категорически выступили против угандийского плана именно потому, что верили в его осуществимость. В течение многих столетий евреи принесли столько жертв во имя Эрец-Исраэль, пролили столько крови ради того, чтобы удержаться на этой земле, вознесли столько молитв о возвращении к Сиону... Мы считали немыслимым предать мечту поколений. Если бы мы согласились принять иную страну в качестве еврейского национального дома, то наш народ был бы обречён на нравственное и психологическое крушение. Еврейская история лишилась бы в этом случае всякого смысла».

* * *

1903 год – год кишинёвского погрома и шестого сионистского конгресса – стал поворотным в судьбе Жаботинского. Готовый к проказам Альталена, лёгким пером завораживающий приключенческими рассказами из итальянской жизни, разбавленными, к радости непритязательного читателя, любовными похождениями, стал Самсоном Жаботинским⁶.

В 1903 году, когда Жаботинский присоединился к противникам «плана Уганды», ему было 23 года; Давиду Грину, будущему Бен-Гуриону, исполнилось семнадцать. Они не были ещё знакомы друг с другом, но это был один из редких случаев, когда их убеждения полностью совпали: оба видели будущее еврейского народа в возвращении в Палестину и оба решили посвятить свою жизнь созданию еврейского национального очага в Эрец-Исраэль.

Возможно, рассказывая о кишинёвском погроме и шестом сионистском конгрессе, давшим сынам Израиля Самсона Жаботинского, следовало бы умолчать, что между этими собы-

---

⁶ В романе «Самсон Назорей» (1926 год) много «отсебятины», не схожей с библейским сюжетом. Жаботинский, отождествляя себя с библейским Самсоном, вкладывал в его уста собственные пророчества.

тиями произошло ещё одно, относящееся к частной жизни Владимира Жаботинского: 26 мая он был свидетелем со стороны жениха на бракосочетании своего друга, Корнея Чуковского. Всё переплелось: похороны жертв погрома – и свадьба друга; имена – Зеев, Владимир и Самсон, и три Жаботинских, живущих под разными именами.

Осознавая это, в предисловии к «Повести моих дней»² Жаботинский написал: «Две сферы жизни разделены во мне очень высокой перегородкой: по мере возможности, я всегда избегал их смешения. В частной жизни были и есть у меня друзья и враги, дорогие связи, невозполнимые потери и незабываемые воспоминания – всё это ни разу не сказалось и никогда не скажется на моей публичной деятельности. И хотя на весах моей внутренней жизни эта половина перевешивает все остальные впечатления, и хотя роман моей личной жизни более глубок, многоактен и содержателен, чем роман публичной деятельности, – здесь вы не найдёте его».

Но как бы ни была интересна частная жизнь Жаботинского (зачастую потомков интересует то, что скрыто за ставнями), как бы ни хотелось услышать подробнее о «дорогих связях и незабываемых воспоминаниях», – насколько бы обогатился рассказ! – прервёмся, оставив это для другой книги, сделав лишь исключение для главы «Свадьба».

Журнал «Еврейская жизнь»

Альталена был уже известным журналистом, и немудрено, что молодой адвокат Николай Сорин⁷, намеревавшийся основать в столице ежемесячный сионистский журнал на русском языке, в конце 1903 года обратился к нему с любезным письмом, предложив сотрудничество. Его предложение подоспело вовремя. По пустяшному поводу (сказался возраст и журналистские амбиции) Жаботинский повздорил в театре с жандармским генералом Бессоновым, и над ним нависла угроза вновь оказаться в тюрьме. Не желая испытывать судьбу, он рванул в Петербург. Сорин, которого он лично не знал, не обманул ожиданий и помог устроиться в небольшой гостинице, платившей мзду полиции, чтобы та не беспокоила постояльцев проверкой паспортов.

Ежемесячный журнал, затеянный Сориним, назывался «Еврейская жизнь» и был первым официальным органом сионистов России. Впоследствии он превратился в еженедельник, несколько раз закрывался, менял название, переезжал из Петербурга в Москву, а после октябрьской революции отбыл вместе с его владельцем в Берлин, в очередной раз сменив название на «Рассвет».

Статьи Жаботинского печатались в каждом номере. Будет много ещё погромов после печально знаменитого кишинёвского, но Жаботинский, в 1903 году выступивший с призывом к сопротивлению, в 1906-м пересмотрит свою позицию и в статье в «Траурные дни», посвящённой погрому, задаст себе вопрос: «Допустим, я буду знать, где, как и кого убили они, но не в этом дело, а как быть дальше, что можно сделать против погромов? Самооборона – вряд ли об этом можно говорить серьёзно. Она не принесла нам в итоге никакой пользы; вначале страх перед нею действительно предотвратил несколько погромов, но теперь, когда те её испытали на деле и сравнили количество убитых евреев и погромщиков, кто с ней считается?»

Вывод, сделанный им в статье, – направить все усилия на построение в Палестине еврейского дома – был понят не всеми. В то время, когда не осталось ни одного местечка в черте оседлости, где бы не произошёл погром (погромы отличались лишь количеством жертв), его призыв казался далёким от реальности и кощунственным. Из-за него в еврейской среде Жаботинский нажил немало врагов. Он отвечал критикам:

«Но что бы ни творилось у меня на душе – никогда не приду я на страшное пожарище моего народа с заплаканным носовым платком в руках и ни его, ни себя не оскверню надругательством жалких утешений. У меня нет лекарств от погрома – у меня есть моя вера и моё ремесло; не из погромов я вынес эту веру и не ради погромов я оставлю на час это ремесло. Вера моя говорит, что пробьёт день, когда мой народ будет велик и независим, и Палестина будет сверкать всеми лучами своей радужной природы от его сыновнего рабочего пота. Ремесло моё – ремесло одного из каменщиков на постройке храма для моего самодержавного Бога, имя которому еврейский народ. Когда молния режет насквозь чёрное небо чужбины, я не велю моему сердцу не биться и глазам не глядеть: я беру и кладу кирпич, и в этом мой единственный отклик на грохот разрушения».

---

⁷ Сорин Николай Вениаминович (1879–1945). Адвокат, общественный деятель, литератор, с 1923 года входил в Союз сионистов-ревизионистов.

Давид Грин: начало политической деятельности

В жизнеописании Бен-Гуриона мы остановились на том, как в сентябре 1906 года в двадцатилетнем возрасте с горсткой друзей он прибыл в Палестину, поселился в Петах-Тикву и вскоре тяжело переболел малярией. Он не внял рекомендации врача, посоветовавшего ему вернуться домой. В «наказание за непослушание» приступы малярии будут преследовать его всю жизнь. Такой будет цена, заплаченная Давидом Грином за освоение Эрец-Исраэль.

Оправившись от малярии, Давид не мог с тем же усердием работать поденщиком – фермеры, глядя на хилека, отказывались от его услуг и нанимали трудоспособных и физически выносливых работников, способных трудиться до поздней ночи; так к лихорадке, от которой он продолжал страдать, добавился голод. Бывали дни, когда Давид питался одной-единственной плоской арабской лепёшкой, а бывали дни, когда и этого не выпадало...

Нищета пробудила классовое сознание, но ненависть к евреям-землевладельцам прекрасно уживалась с сионистскими идеалами. В Палестине в начале века было две немногочисленные сионистские партии: «Поалей Цион», находившаяся под влиянием марксистской идеологии, и «Ха-Поэл Ха-цаир» («Молодой рабочий»), придерживающаяся социалистической, не марксистской ориентации. Давиду была близка по духу социалистическая партия (и не только потому, что из десяти членов руководства четверо были его земляками) – партия ратовала за принятие закона об иврите и за воплощение идеалов сионизма, но классовое сознание восторжествовало, и он, как и в Плонецке, присоединился к марксистам.

В нищей палестинской молодости Бен-Гуриона скрыта подоплёка будущего политического конфликта с Жаботинским. Давид работал поденщиком, бедствовал, голодал. Коммунистические лозунги впитались в его кровь вместе с классовой ненавистью к работодателям. Жаботинский был вылеплен из иного теста. Он – «рабочая интеллигенция», никогда не нищенствовал, на жизнь зарабатывал не физическим, а умственным трудом (журналистикой), и у него не было остро выраженного классового сознания, высказанного в призыве «Интернационала», – не **переделать**, или **улучшить** существующий мир, а до основания **разрушить**, а лишь потом на его руинах выстроить миропорядок, в котором сбудется мечта пролетариев: «Кто был ничем, тот станет всем».

Осенью 1906 года, когда Жаботинский был поглощён разработкой Гельсингфорсской программы, в последний раз объединившей в России все ветви сионистского движения, в Палестине состоялась первая конференция «Поалей Цион». На ней был выбран центральный комитет палестинского отделения партии, состоящий из пяти членов. Одним из них избрали двадцатилетнего Давида Грина. Он вошёл в десятку мужей, которым поручили в соответствии с сионистско-марксистской идеологией (есть и такая!) разработать программу палестинского отделения партии. Хотя число десять напоминает миньян – кворум из десяти взрослых мужчин, необходимый для публичного богослужения, в данном случае цифра десять – всего лишь забавное совпадение.

Давид не принимал активного участия в разработке программы, недовольный тем, что все партийные документы писались на идиш. Он прекрасно владел ивритом и был яростным сторонником внедрения его в жизнь ишува. Но руководство «Поалей Цион» препятствовало изучению иврита, опасаясь растерять сторонников среди евреев диаспоры, в большинстве говоривших на идиш и приезжавших в Палестину без знания древнего языка, и отказывалось считать иврит официальным языком политических дискуссий и партийных документов. Давид был пассивным членом руководства, не бунтарём и не революционером – и, как бы ныне сказали, «отбивал номер»...

Пережив суровую зиму 1906–1907 годов, поработав на сельскохозяйственных работах в поселениях Иудеи, на сборе апельсинов, дни и ночи босыми ногами давя виноград в винных

погребях Ришон-ле-Циона, Давид решил перебраться в Галилею. Его привлекал мягкий климат и отсутствие малярийных болот, но в Галилее его ожидала полувоенная атмосфера. Малочисленные и редкие еврейские поселения находились в окружении враждебно настроенных арабских деревень, и даже во время работы в поле поселенцам приходилось думать о самообороне. В Галилее винтовка и плуг соседствовали друг с другом.

Второй причиной переезда в Галилею стал разрыв с Рахиль Нелкин, которую он полюбил ещё в Плоньске. Девушка была в числе тех, кто в сентябре 1906-го отправился с ним в Палестину. Их чувства были такими сильными, что все ночи, пока они плыли из Одессы в Яффу, мать Рахили спала между ними на палубе судна, чтобы влюблённые не потеряли голову в одну из тёплых южных ночей и не наделали «глупостей». Давид долго не мог забыть Рахиль, и через десять лет, когда она была уже замужем, в письмах умолял её бросить мужа и приехать к нему в Нью-Йорк.

Через много лет Бар-Зохар задал Рахиль вопрос: «Почему же вы не поженились, если так сильно любили друг друга?» Рахиль ответила: «Давид интересовался общественной жизнью больше, чем личной».

Этот же вопрос Бар-Зохар задал Бен-Гуриону. Тот ответил честно и прямолинейно, но по его ответу Бар-Зохар так и не понял, жалел ли он об «упущенных возможностях»: «Жениться? – переспросил Давид. – Кто тогда думал о браке? Мы всячески избегали этого, поскольку не хотели преждевременно иметь детей. Страна была дикой и отсталой. Мы не могли гарантировать нашим детям образования на иврите».

После столь откровенного признания, забегаая вперёд, в семейную жизнь Бен-Гуриона, отметим лишь, что его жена и дети были обделены вниманием мужа и отца – и хотя на первом месте, как отметила Рахиль, у него всегда была общественная жизнь, он ухитрялся находить в ней лазейки и отвлекаться на короткие и длительные влюблённости, не покушаясь на целостность своего брака.

...Перебравшись в Галилею, Давид поселился в Седжере, еврейском сельскохозяйственном поселении, ставшем оплотом пионеров-халуцим; там земля, сельскохозяйственный инвентарь и урожай были коллективной собственностью поселенцев. Оттуда он написал отцу восторженное письмо: «Здесь обрёл я тот Эрец-Исраэль, о котором мечтал. Нет больше торговцев, маклеров, наёмных рабочих, бездельников, живущих чужим трудом. Все жители села работают и пользуются плодами рук своих. Мужчины пахут, боронуют и засевают землю. Женщины работают на огороде и доят коров. Дети пасут гусей, верхом на конях скачут к родителям в поле. Это сельские жители с загорелыми лицами, от них пахнет полем и навозом. Просыпаюсь в половине пятого утра и целый день пашу».

Судя по письмам отцу, Давид в ту пору был фанатиком и идеалистом. Только фанатики могли бросить относительно обустроенную европейскую жизнь и сознательно обменять её на добровольный каторжный труд. Выжить самостоятельно на необжитых землях во враждебном окружении соседей-арабов было почти невозможно, и, как в первобытно-общинном обществе, пионеры поселенческого движения объединялись в коммуны (сельскохозяйственные киббуцы), в которых, кроме жён, всё было общим. Так начиналось киббуцное движение, и немудрено, что большинство киббуцников стали сторонниками левых партий, социалистами и коммунистами.

Осенью 1908 года на короткое время Давид вернулся в Плоньск. Он явился на призывной участок, прошёл медкомиссию, поступил на службу в русскую армию и... дезертировал. Этот манёвр был вызван необходимостью избавить отца от разорительного штрафа, который ему пришлось бы выплатить в случае неявки сына на призывной участок. Переложив ответственность на себя и дезертировав из армии, с фальшивыми документами Давид Грин перешёл немецкую границу и в конце декабря возвратился в Палестину...

И всё закрутилось по-прежнему. Тяжкий труд сельскохозяйственного рабочего, создание в Седжере первого еврейского охранного отряда (Давид стал одним из его членов), первое

столкновение с арабами в 1909 году, на Песах, завершившееся убийством охранника. Своими глазами увидев пролитую кровь, Давид понял: иллюзии о возможности мирного сосуществования с соседями-арабами испарились, палестинским евреям надо вооружиться, чтобы защитить своё право жить на земле предков. Однако он ещё долгое время заблуждался, что у трудящихся-арабов и евреев общие классовые интересы, на почве которых они объединятся в едином социалистическом государстве. Он не был одинок, строя воздушные замки: таким же идеалистическим было мышление многих руководителей всемирной Сионистской организации, считавших арабов союзниками в борьбе за еврейскую автономию в рамках Османской империи. Нельзя сказать, что эта точка зрения была стопроцентно ошибочной. Пока фундаментализм не стал преобладающим течением в исламе, среди мусульман, исповедующих умеренный ислам, было немало политических деятелей, благосклонно относящихся к сионистам и желавших жить с евреями в мире и дружбе.

Это может показаться странным, но толчком, пробудившим в двадцатидвухлетнем юноше политические амбиции, стала революция младотурок, произошедшая в Турции в июле 1908 года. Жаботинский и Давид Грин восприняли её с воодушевлением, но отнеслись к ней по-разному, дав полярную оценку политической ситуации.

Хорошо быть умным на второй день, зная, какая лошадь на ипподроме первой пришла к финишу, или через сто лет рассуждать о правильности принятия того или иного политического решения, располагая всей информацией и зная, по какому пути пошла мировая история. Не будем никого строго судить и говорить об отсутствии политической интуиции – беспристрастно перелистаем страницы истории, на которых ещё недавно кипели бурные страсти. Но прежде чем окунуться в Младотурецкую революцию, ставшую для сионистов «временем больших ожиданий», взглянем на календарь этих лет Жаботинского. В нём осенью 1906 года написано: «Гельсингфорсская программа».

Жаботинский. Гельсингфорсская программа

Немногим более века (с 1809 года) Финляндия входила в состав Российской империи, и её столица имела тогда два названия: финское – Хельсинки, и шведское – Гельсингфорс, долгое время наиболее употребляемое. Несмотря на формальное подчинение Санкт-Петербургу, Великое княжество Финляндское имело особый статус, сохраняло внутреннюю автономию и этим привлекало оппозиционные политические партии и движения.

В декабре 1904-го в Гельсингфорсе состоялась конференция российских и польских сионистов, обсуждавшая вопросы организации еврейской жизни в странах диаспоры. Вместе с делегатами из Одессы и Варшавы, двух центров сионистского движения, Жаботинский участвовал в разработке её программы. Впервые ему, 25-летнему юноше, поручили выступить с докладом на конференции, проходившей в полном согласии всех фракций сионистского движения, и он гордился воодушевлением, наблюдаемым им впервые – сплочённостью и единством, редким для еврейства.

Подготавливая доклад, он пришёл к выводу, что борьбу за права евреев в галуте⁸ сионисты должны вести отдельно, но под своим знаменем, и предложил возложить на них дополнительную задачу: организовать еврейство и создать предварительные условия для ликвидации диаспоры. «Что такое национальная автономия в галуте? – писал он. – Это не что иное, как организация всего народа с помощью официально предоставленных возможностей... И что сделает народ, когда сорганизуется? То, чего покойный Герцль хотел добиться посредством ограниченной организации: он осуществит возвращение в Сион. Национальные права в изгнании – это не что иное, как «организация Исхода».

---

⁸ Галут (в переводе с иврита – *изгнание*) – вынужденное пребывание еврейского народа вне Эрец-Исраэль, период со времени изгнания и разрушения Второго Храма (70 год н. э.) до создания Государства Израиль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.